

# *КОНСТРУИРУЯ МАСКУЛИННОСТИ*

*Теоретизируя маскулинности:  
современные тенденции в социальных науках*

*Шерон Бёрд*

## **Введение**

Теоретические и эмпирические исследования мужчин и маскулинности становятся все более популярными в социальных науках в последние десятилетия. Проводимые как гендерными исследователями, заинтересованными в анализе жизни мужчин как «мужского», так и теми, кто ориентирован на изучение маскулинной природы повседневных практик, правил функционирования организаций и социальных структур, таких, как сферы образования, труда, семьи и государства, мужские исследования в настоящее время являются отдельной областью анализа в большинстве социальных наук (так же, как в гуманитарных науках, искусстве и других академических дисциплинах) (Connell, Hearn, and Kimmel 2005:1-3). Осознавая множественность, зачастую фрагментарность и иногда противоречивость практик и значений, составляющих то, что обобщенно называется «маскулинность», исследователи предпочитают использовать понятие «маскулинности» для более точного отражения этой области теории и исследований. Данная статья представляет собой обзор некоторых наиболее заметных тем в современных мужских исследованиях в социальных науках, однако в большей степени здесь изложены идеи, развиваемые в странах Западной Европы и Америки. Признавая эту предвзятость и испытывая по-

Перевод с английского языка Елены Минчени

требность в теории и исследованиях маскулинностей, анализирующих опыт, практики и социальные структуры другой части мира, я являюсь сторонником использования локальных знаний для формирования более полного и точного понимания глобальных маскулинностей.

В начале данной статьи я представлю общепринятое определение маскулинности, а также то, как понимание маскулинности и фемининности формировалось в Европе и Соединенных Штатах Америки. Далее я обращусь к социобиологическому толкованию тендера и маскулинности, изложу идеи психоаналитического подхода, теории социализации и ролевой теории, социально-психологических теорий «Я» и идентичности, а также представлю современные исследования гегемонной маскулинности и гендерный анализ властных структур. В заключении я рассмотрю проблему связи маскулинности и национализма. Формат статьи не позволяет более полно представить теории маскулинности, связанные с конкретным социальным контекстом. Тем не менее, отмечу, что многие современные теории маскулинности и ключевые эмпирические исследования сосредоточиваются непосредственно на том, как практики маскулинности встроены в структуры занятости, семьи, спорта, СМИ, образования, политики, религии и в другие сферы социальной жизни.

## Понятие маскулинности и его история

Маскулинность - понятие, обозначающее социально сконструированные ожидания, касающиеся поведения, представлений, переживаний, стиля социального взаимодействия, соответствующего мужчинам, представленные в определенной культуре и субкультуре в определенное время. Исторически это понятие основывалось на представлениях о мужчинах и женщинах как естественно различающихся группах, о белом мужчине (в Западной Европе и Северной Америке и других частях мира) как изначально превосходящем «небелого» мужчину, о мужчине, имеющем материальные ресурсы и особенно являющемся гражданином экономически развитого государства как заслуживающим более высокого статуса и большей власти, чем тот, кто не имеет этого (Bonilla-Silva 2001; Cornell 1995,2002,2005; Glenn 2002; Nagel 1998). Существующее понимание маскулинности, как это объяснено ниже, является социально конструируемым, исторически и культурно специфичным, оно отсылает к социальным структурам и институциональным практикам так же, как и к индивидуальным действиям. Тем не менее, многие продолжают рассматривать маскулинность как определенный набор личностных характеристик, поведения и представлений, включающих физическую силу, напористость, эмоциональную сдержанность, соревновательность, а также убеждение в том, что мужчины более подходят для позиций, связанных с управлением и принятием решений.

Хотя это и не подтверждается данными научных исследований, многие считают, что маскулинность - определяемая как набор личностных характеристик и особенностей поведения - основывается на биологии. Идея естественности биологических половых различий и, соответственно, различий в мужских и женских способностях (женщины эмоциональны, мужчины рациональны) и направленности (ролях) связана с политическим движением 19-го века в Западной Европе и Соединенных Штатах. В то время как белые, преимущественно среднего класса женщины боролись за основные права человека, такие как право голоса и право собственности на землю, белые исследователи-мужчины все большее внимание уделяли исследованию биологических различий между полами как средству доказательства идеи женской подчиненности (Carrigan, Cornell and Lee 1985; Fausto-Sterling 2000; MacInnes 2001). Концепция маскулинности «начала развиваться как консервативный концепт - попытка примирить патриархат с призывом равного и мужского, и женского участия в истории» (MacInnes 2001, с. 312; см. также Carrigan, Connell and Lee 1985). Мужчины, уже обладающие властной позицией и привилегиями в отношении к женщинам, цветным мужчинам, бедным мужчинам, не-гражданам, искали идеологию, законы и механизмы для поддержания этих преимуществ (Glenn 2002).

Конец 19 - начало 20-го века также обозначается как «кризис маскулинности» в Европе и Соединенных Штатах Америки (Chauncey 1985; D'Emilio and Freedman 1988). Политическое движение в защиту женских прав было в то время заметным и дискуссионным. Так называемый кризис маскулинности был спровоцирован явной потерей контроля и возможностей, которую переживали мужчины господствующего класса и расы, поскольку в связи с развитием промышленного производства работа становилась более однообразной и специализированной, и конкуренция за рабочие места со стороны не статусных мужских групп более интенсивной (Glenn 2002; Kimmel 1996; Roper 1994). Популярность идеи кризиса маскулинности способствовала поиску научных доказательств превосходства мужчин и белой расы. Ученые и социальные деятели доказывали, что «социальная неуправляемость биологическими различиями» (Fausto-Sterling 2000, с. 156) приведет к феминизации естественного превосходства мальчиков и мужчин, что, в свою очередь, подвергнет опасности здоровье наций (Fausto-Sterling 2000; Kimmel 1996).

Биологические объяснения различий между полами также подпитывались идеями эволюционных теорий. В середине 20-го века эволюционные теории являлись основанием социобиологических позиций (Nielsen 1994). Логика рассуждения с точки зрения социобиологического подхода (например, Wilson 1978), существующая и сегодня, состоит в формировании в процессе эволюции явления полового диморфизма, т.е. двух различающихся категорий людей: одной из которых оказались свойственны физическая агрессия, соревновательность, эмоциональная независимость и инструментальный подход к решению проблем,

другой - пассивность, склонность к сотрудничеству, эмоциональная зависимость и склонность к заботе. Биологические особи мужского пола соответствуют первой категории, женского пола - второй.

Хотя, как отмечалось выше, многие полагают, что психологические и социальные различия между мужчинами и женщинами обусловлены биологическими факторами, научные доказательства этой связи отсутствуют. Скорее наоборот, исследования предоставляют большое количество неподтверждающих ее результатов (Kemper 1990; Fausto-Sterling 2000; Kessler and McKenna 1978). Среди того, что делает проблематичным утверждение зависимости психологических и социальных различий между мужчинами и женщинами от биологических факторов, следует обозначить тот факт, что характеристик, по которым мужчины и женщин схожи, значительно больше, чем тех, по которым они предполагаются различными (Kessler and McKenna 1978). Не менее затрудняет биологическую аргументацию то, что не все люди рождаются явно «мальчиком» или «девочкой». Некоторые рождаются гермафродитами (Fausto-Sterling 2000). Тем не менее, представление о дихотомичности половых различий заставляет исследователей фокусироваться преимущественно на дихотомичности гендер-ных различий, даже в отношении тех, кто не соответствует этой дихотомии. Еще одной сложностью является доказательство причинно-следственной связи. Является ли агрессия у мужчин результатом более высокого уровня тестостерона, или агрессия и доминирующее поведение влияют на продуцирование более высокого уровня тестостерона (Kemper 1990)?

Несмотря на то, что биологический детерминизм продолжает формировать социальные представления об «истинной природе» мужчин и маскулинности и в 20-ом веке, психоаналитические теории, психологические теории идентичности и ролевые теории середины века также распространены в академическом и массовом дискурсе.

## Психоаналитические теории маскулинности

Определение тендера как идентичности было предложено в начале 20-го века в работах Зигмунда Фрейда. Психоаналитическая теория Фрейда утверждает, что индивидуальные различия, ассоциируемые с маскулинностью и фе-мининностью, являются результатом сложного процесса решения бессознательного конфликта, характерного для раннего возраста. Зрелая личность с этой точки зрения представляет собой результат эмоционального развития в детстве. Согласно Коннеллу (1987, с. 204):

«Результат различного структурирования комплекса Эдипа является основанием для толкования фемининности и маскулин-

ности Фрейдом. В отношении девочек процесс разрешения комплекса Эдипа протекает как отказ от аморального и нереализуемого желания пениса, которое трансформируется в желание ребенка и мужчины, способного его дать. Что касается мальчиков, мать остается для них объектом желания, и катексис со временем смещается на других женщин. Желание матери подавляется страхом кастрации со стороны отца, что также провоцирует идентификацию с ним, усвоение запретов и формирование сильного супер-эго. В то же время нет подобного процесса, стимулирующего формирование супер-эго у девочек. То, что описано выше, представляет собой типичное разрешение комплекса Эдипа. Однако это может проходить и зачастую происходит с нарушениями.»

Последователи Фрейда развили его идеи в различных, иногда противоречащих друг другу направлениях. Некоторые понятия Фрейда были адаптированы и включены психологами и психиатрами в теории идентичности. Так, психолог Эрик Эриксон принял основные положения теории Фрейда, при этом изменив фокус внимания с разрешения бессознательных конфликтов на познавательные аспекты развития идентичности (Connell 2002, с. 87). Психиатр Роберт Столлер, основывающийся на работах Эриксона, определил развитие идентичности как процесс, который выстраивается на тендерной идентичности, формирующейся в раннем возрасте, а не являющейся постоянным внутренним напряжением и конфликтом, продолжающимся на протяжении взрослой жизни (Connell 1995; Williams 1989). Представление о тендерной идентичности, которая формируется в процессе социализации и определяет когнитивное и эмоциональное развитие, остается основным принципом перспективы анализа маскулинности как идентичности. Тем не менее, как будет представлено ниже, социальные психологи, работающие в рамках психологии и социологии в США, разработали модели гендерной социализации и идентичности, практически не отсылающие к работам Фрейда.

В рамках психоаналитической традиции процесс развития гендерной идентичности исследован достаточно глубоко. Например, Чодороу (1979) фокусируется на том, как разделение труда в семье определяет процесс бессознательной мотивации и подавления желания у мальчиков и девочек. В рамках тендерного разделения труда в индустриальном капиталистическом западном обществе, в нуклеарной гетеросексуальной семье переживание независимого «Я» у мальчиков формируется в отношении с материнской фигурой, присутствие которой постоянно и длительно, и фигурой отца, чье присутствие фрагментарно, редко, единично (что связано с его ролью на оплачиваемом рынке труда). По причине такого распределения ролей младенец ассоциирует мать с удовлетворением всех потребностей и желаний, воспринимая ее как источник наслажде-

ний. Тем не менее, эмоциональная привязанность к матери у мальчика трансформируется от переживания своей цельности с матерью к уникальности-в-отношениях с матерью, что является интенсивным чувством обладания. Это чувство обладания матерью заставляет мальчика воспринимать отца как соперника в борьбе за материнскую любовь (Di Stephano 1991:45-48). Переживание угрозы, связанное с отношениями с отцом, наряду с потребностью определить себя как не-женщину порождает внутренний конфликт. Преодоление этой шаткой позиции требует идентификации мальчика с отцом (Chodorow 1978). Для развития идентичности, отдельной от матери, мальчик определяет себя через то, что не является женским (Chodorow 1978:96-97; Parsons 1964). Таким образом, обособленность становится центральной характеристикой его идентичности и отношений с другими (Messner 1992; Gilligan 1982). Эти психодинамические процессы способствуют развитию такой маскулинной идентичности, которая является эмоционально независимой, склонной к соревнованию, вынужденной контролировать других в социальных отношениях, включая близкие отношения с женщинами (cf. Johnson 1988).

Другие исследователи отмечают, что психоаналитическая теория объектных отношений, например, концепция Чодороу, предполагает унифицирующее толкование «Я» и идентичности. Так, Коннелл (1987; 1995) утверждает, что сам Фрейд не признавал, что в результате процесса личностного развития формируются две отдельные категории людей с определенным, присущим каждой группе набором характеристик: «Фрейд оставался убежденным в сложности формирования тендера и механизмов, посредством которых фемининность всегда является частью характера мужчины» (Connell 1995:10). Основываясь на экзистенциальной психоаналитической теории Сартра, Коннелл развил понятие «гендерного проекта», которое рассматривает тендер не как фиксированную идентичность, но как «систему символических отношений» (1995:20). Прошлые привязанности, зачастую подавленные, имеют последствия для будущих действий. Эмоциональные противоречия и конфликты, которые появляются, когда мальчик проходит через до-эдипальную и эдипальную стадии, продуцируют целый ряд возможных последствий для индивида. Многочисленные конфликтующие эмоции, которые переживает мальчик в процессе развития идентичности, будут влиять на то, как он спроектирует себя «в будущее», и таким образом, на позицию, которую он займет в символическом порядке (Connell 1987:211). Более высокий статус мужчин в обществе и существующие властные отношения между мужчинами и женщинами и между мужчинами и другими мужчинами свидетельствуют, что у всех мальчиков формируется понимание власти, ассоциируемое с мужским доминированием над женщинами и доминированием некоторых мужчин над другими мужчинами.

Но мужские тендерные проекты имеют разные формы, одни из которых включают в себя специфичные для определенной культуры идеалы маскулин-

ности и практики мужского доминирования, другие - нет. «Проблема - утверждает Коннелл, - состоит в том, что ни один паттерн развития не может быть признан универсальным даже в рамках определенного социального контекста, изученного Фрейдом» (Connell 1987:206). «Властные отношения в обществе становятся конституирующим принципом для личностной динамики посредством их адаптации как личностного проекта» (Connell 1987:215; выделено мной -Ш.Б.). Тем не менее, это не значит, что все мужчины (или те, кто признаются за мужчин) принимают один и тот же тендерный проект (Chen 1999; Collinson 2003; Ferguson 2001; Messerschmidt 2000).

Психоаналитические теории предлагают определенное толкование маскулинности как элемента или организующего принципа самости среди других концепций, разработанных в социальных науках. Социально-психологическая перспектива, представленная в психологии и социологии, также концептуализирует маскулинность на индивидуальном уровне. Тем не менее, эта перспектива фокусируется не столько на элементах бессознательного, сколько на развитии идентичности в процессе социализации. Модели социализации определяют «Я» как совокупность идентичностей, каждая из которых соответствует определенной позиции в социальной структуре. Ниже я рассмотрю теории социализации, а затем социально-психологические теории маскулинности как идентичности.

## Теории социализации. Маскулинность как тендерная роль

На протяжении 20-го века в социальных науках наиболее общепринятой концепцией для понимания специфики «мужского» была теория половых ролей и социализации. Концепт «половые роли» был разработан в середине 20-го века Т. Парсонсом (Parsons 1964; Parsons and Bales 1953). С точки зрения концепции тендерной социализации, существуют значительные различия между мужчинами и женщинами как социальными субъектами. Эти различия преимущественно являются результатом процесса социализации, который формирует женщин и мужчин для различных, но взаимодополняющих ролей. Парсонс утверждает, что структурная дифференциация является требованием общества, и разделение труда внутри семьи между «инструментальным» мужчиной и «экспрессивной» женщиной необходимо для адекватной социализации молодого поколения.

Теории социализации предполагают, что ребенок обучается поведению и чертам, соответствующим девочке или мальчику, в семье, среди сверстников, в школе и других социальных институтах, и в результате усваивает гендерно специфические, «подходящие» его полу психологические характеристики и поведение. Моделирование поведения, поощрения и наказания, получаемых

детьми за их действия, способствует процессу социализации. В когнитивном подходе к проблеме тендерной социализации утверждается, что ребенок, определив себя в категории по полу как мальчика или девочку, выбирает занятия, поведение, модели презентации, которые способствуют получению подтверждения от окружающих его мужественности или женственности (Kohlberg 1966). Модель социального познания полагает, что социальное окружение, частью которого мы являемся, определяет наше поведение и чувства. Для того, чтобы справиться с избытком информации, обрушивающейся на человека в повседневной жизни, он ищет способ наиболее эффективного определения того, чему следует уделять внимание, что в свою очередь приводит к использованию социальных категорий для организации социального мира. Пол как категория и соответствующие тендерные схемы или когнитивные структуры, которые позволяют человеку структурировать социальную информацию о себе и различных группах в обществе, определяют, на что он обращает внимание и что он запоминает о себе и других, и влияют на ожидания от себя самого и других людей (Bern 1983; 1993). С этой позиции, стереотипы и ожидания, связанные с мужчинами и женщинами в обществе, сохраняются, потому что они способствуют функционированию когнитивных структур и чувству онтологической безопасности человека (Howard and Hollander 1997:88).

Теории социализации широко критикуются в литературе по исследованиям маскулинности и еще более - в работах по тендерным исследованиям (например, Connell 1979; Gerson and Peiss 1985; Lopata and Thorne 1978). Прежде всего, ранние теории социализации приравнивают маскулинность к тому, чем являются мужчины в наиболее властной позиции в обществе (а фемининность - к тому, что характерно только некоторым женщинам) (Howard and Hollander 1997; Smiler 2004). Предположительно, мальчики усваивают социально заданные значения маскулинности, а девочки - социально заданные значения фемининности. Мальчики и девочки, не следующие этому предписанному пути, воспринимаются как девиация (Schur 1984). Утверждая, что «нормальные» мужчины интернализируют модель нормативной маскулинности, а «нормальные» женщины - нормативной фемининности, эта перспектива не включает специфику властных структур в тендерный анализ (Connell 1987; Gerson and Peiss 1985). Как отмечали феминистские теоретики расы более чем десятилетие назад, группы, обладающие большей властью в обществе, имеют большее влияние на конструирование нормативного значения тендера (Collins 1989; King 1988). Так, например, нормативная маскулинность в Америке - это маскулинность американца, гетеросексуальной ориентации, дееспособного, говорящего по-английски и принадлежащего к среднему или высшему классу, в большей мере, нежели маскулинность мужчины другой расы или этнической категории, уровня физической дееспособности, говорящего на другом языке и относящегося к другому классу.



Кроме того, модели социализации критикуются за упрощение процессов, с помощью которых человек приходит к пониманию того, как тендер организует социальную реальность, и ограниченное понимание тендера как интернали-зированных ожиданий, поведения, идеологии. Люди, особенно дети, экспериментируют с поведением и воспринимают обратную связь, которую они получают в ответ на свои действия, различным образом. Предоставленные сами себе, дети следуют или не следуют тендерным схемам, поддерживаемым взрослыми. Дети комбинируют гендерные схемы (Thome 1993) и изменяют тендерный символизм согласно своим целям, зачастую таким образом, что это бросает вызов простой дихотомической категоризации (Messner 2000; McGuffy and Rich 1999). Некоторые мальчики получают удовольствие, воспроизводя практики, поддерживающие приемлемую модель маскулинности, однако другие мальчики получают удовольствие, воспроизводя практики, соответствующие нормативной фемининности. Обратная связь, которую мальчики получают в ответ на свои действия, и характер ее восприятия различаются. Идея состоит в том, что обучение тому, что является социально принятым для мальчиков и девочек, мужчин и женщин в определенной социальной среде не совпадает с тем, что принимается как часть своей идентичности.

Критика теорий социализации состоит также в том, что они полагают, что изменения в представлениях о маскулинности и фемининности и культурные различия в этих представлениях являются результатом изменений в социальной структуре и/или кросскультурных различий в социальной структуре. Например, доминирующее толкование маскулинности в период капиталистической индустриализации на Западе оценивало физический труд как центральный компонент маскулинности (Roper 1994; Rotundo 1993). Мужчины доминировали в сельском хозяйстве и на производстве в течение 19-го и 20-го вв. Упадок этих сфер производства, наряду с возрастающей потребностью в технических знаниях, положили начало формальному образованию и способствовали появлению новых идеалов маскулинности. С точки зрения теории социализации, мужчины в этот период времени приняли и усвоили соответствующую их полу тендерную роль. Таким образом, теории социализации предлагают объяснения, не включающие обсуждение борьбы за власть между различными группами мужчин или между мужчинами и женщинами. Традиционно в рамках данных теорий не анализируется структура власти и неравенства, которая определяет социальное познание и процессы социализации (Howard 1988; Howard and Hollander 1997).

Социальные изменения, бесспорно, важны для конструирования тендера. Тем не менее, теории социализации уделяют мало внимания тому, как индивиды сопротивляются доминирующему определению маскулинности (или фемининности). Модели социализации не способны объяснить, как человек трансформирует значение тендерных категорий (Connell 1987). Кроме того, они скрыва-

ют проблему тендерного неравенства за процессом социализации, представленной как процесс формирования самости, а не воспроизводства структурного гендерного неравенства (Howard and Hollander 1997:32; см. также Ferree and Hall 1996).

### Социально-психологические теории «Я», идентичности и маскулинности

Социально-психологические теории «Я», идентичности и маскулинности развиваются в рамках как психологии, так и социологии. С одной стороны, эти два подхода во многом совпадают, но в то же время и различаются в важных моментах. *Психологическая* перспектива исследования маскулинности и фемининности в середине 1990-х гг. рассматривала тендер как совокупность черт и аттитюдов, которые отражают естественное «Я» человека как биологического мужчины или женщины (например, Terman and Miles 1936), или то, что в итоге было названо «половой ролью». Будучи осведомленной о теории Фрейда о психодинамических процессах личности, эта перспектива игнорировала фрейдистское толкование развития «Я» как сложного процесса, полного противоречий и потенциальной нестабильности (Connell 1987; 1995). Так, Терман и Майлс полагают (1936, с. 1):

«Общее представление состоит в том, что мужчины и женщины как разные группы демонстрируют половые различия в своем поведении, и эти различия так глубоки и всепроникающи, что формируют определенный характер и личность в целом.»

Одна из первых концепций половой роли и идентичности определяет маскулинность как психологическую идентификацию мужчины со своим биологическим полом, а фемининность - как психологическую идентификацию женщины со своим биологическим полом (Pleck 1984:12). С этой точки зрения маскулинность и фемининность представляют собой сущностную и естественную оппозицию. Индивидуальная идентификация с противоположным полом считается психологическим отклонением (Terman and Miles 1936). Как отмечалось выше, поиск свидетельств, подтверждающих представление о том, что существуют определенные исключительно мужские или женские черты, аттитюды или поведение, не был успешен (Maccoby and Jacklin 1974). Исследования также не смогли доказать, что идентификация с противоположным полом приводит к психологическому нездоровью (Constantinople 1973; Kessler and McKenna 1978; Pleck 1984).

Современные психологи (например, Bem 1974, 1979) полагают, что социальное научение и социальное познание способствуют формированию у индивида организующих схем, основывающихся на категории пола, что, тем не менее, не означает признания существования биологической идентичности (Bem

1974; 1979). Дети формируют эти организующие схемы и обучаются восприятию других и себя самих посредством процесса социализации, как было представлено выше. В 1970-х гг. Бем (1974; 1979) также отмечала, что, поскольку гендер является социальным конструктом и маскулинность и фемининность представляют собой два отдельных проявления тендера, индивиды могут формировать тендерную идентичность, которая интегрирует стереотипы и представления, относящиеся как к доминирующему конструкту маскулинности, так и к конструкту фемининности (андрогиния). Тем не менее, Бем и другие (например, Pleck 1984) также признают, что, поскольку представления о гендерном дуализме столь распространены в обществе и ожидания, что мужчины должны следовать идеализированным моделям маскулинности, очень сильны, те мужчины, чья идентичность не согласуется с общепринятыми канонами маскулинности, могут переживать отвержение и отсутствие безопасности.

*Социологические* теории «Я» и идентичности, в сравнении с психологическими теориями, вырастают из другой теоретической традиции - символического интеракционизма. Несмотря на то, что оба направления сегодня делают акцент на когнитивных процессах (вместо биологического детерминизма, бессознательных процессов и бихевиоризма) (например, Kohlberg 1966), социологические теории идентичности основываются на работах Уильяма Джеймса ([1890] 1991) и Джорджа Герберта Мида (1934). С этой точки зрения понятие самости, «Я», включает в себя активное переживающее «Я» и соответствующее восприятие себя как объекта, или «Мое Я». Эти два компонента делают возможным самосознание и, таким образом, идентичность.

Социологические теории также утверждают, что социальные связи, частью которых является человек, влияют на те роли, которые он/она выполняет по отношению к другим людям (т.е. определяются ролями, выполняемыми другими людьми) (Burke and Tully 1977). Определенная социальная сеть является частью более широких социальных структур и таким образом оформляется и этими структурами (Stryker and Burke 2000: 285). Общее представление о себе формируется посредством того, что человек видит себя таким, каким, по его мнению, видят его другие, или посредством «принятия роли» (Cast 2004; Cast and Bird 2005). «Идентичность - это внутреннее переживание, состоящее из интернализованных значений и ожиданий, связанных с ролью» (Stryker and Burke 2000: 289). В то время как «Я» является более стабильным конструктом, развивающимся на протяжении жизни, идентичности часто меняются в зависимости от конкретных социальных условий или контекста. Тем не менее, символический интеракционизм утверждает, что гендер, в отличие от других ролевых идентичностей, может быть назван базовой идентичностью, поскольку не связан с конкретной институциональной ролью, а скорее определяет то, как индивиды воспринимают себя и других во множестве различных контекстов (Ridgeway and Lovin 1999; Stets and Burke 1996).

Вовлеченность гендерной идентичности различно у разных людей и у одного и того же человека в разных контекстах. Тем не менее, Берке и Талли (1977:893) утверждают, что тендерная идентичность «однажды сформировавшись, изменяется сложно». В этом смысле их позиция близка к взглядам психологов на тендерную идентичность. Кроме того, символический интеракционизм полагает, что включенность в одну группу и исключенность из другой группы определяет получаемые человеком воздействия на сущность его идентичностей. Идентичности, образующие самость, мотивируют поведение индивида, а также определяют поддержку у других людей тех ролей, которые подтверждают наиболее важные идентичности самого индивида (McCall and Simmons 1978).

Символический интеракционизм полагает, что мужественность можно обозначить как *степень*, в которой человек идентифицируется со стереотипными личностными характеристиками, признаваемыми в обществе мужскими, и что мужественность, и женственность представляют собой противоположные концы одного континуума (Burke and Cast 1997). Таким образом, маскулинность определяется как агрессивность, независимость, невозмутимость в кризисных ситуациях, активность, грубость, соревновательность, и т.д. (см. Burke and Cast 1997; Burke and Tully 1977).

Критика психологических и социологических теорий тендера и идентичности во многом схожа с критикой теорий социализации. Ни один из этих подходов не объясняет, как структура власти и неравенства определяет процесс формирования идентичности (Howard and Hollander 1997). Например, символический интеракционизм утверждает, что мужчины, чье самовосприятие соответствует тому, что традиционно считается женским, будут или иметь низкое самоуважение, или настаивать на своем восприятии типичных тендерных ролевых характеристик для людей одного с ними пола как защитной стратегии (Burke and Tully 1977:894). С этой позиции несоответствие индивидуального и доминирующего идеалов маскулинности трактуется как личностная проблема и социальная девиация. Символический интеракционизм не предполагает ни анализа того, как доминирующие идеалы маскулинности конструируются, ни анализа преимуществ следования этим идеалам, а также последствий, переживаемых теми, чья жизнь им не соответствует.

Недостаток психологических и социологических теорий идентичности состоит в том, что они не анализируют процесс взаимодействия таких категорий социального различия и неравенства, как класс, раса, сексуальная ориентация, и того, как они участвуют в процессах доминирования, сопротивления и создания стандартов маскулинности (Chen 1999; Collinson and Hearn 1994; Martin 1996; Nonn 2003). Наконец, понимание маскулинности-как-идентичности поддерживает представление о гендерном дуализме и в связи с этим минимизирует и затемняет различия между мужчинами и женщинами.

## Маскулинности, гегемонная маскулинность и тендер как отношение

Современные профеминистские теории маскулинности, как утверждают Уайтхед и Беррет (2001: 10), в целом отрицают биологический детерминизм и эволюционную психологию как основание для понимания гендера. Эти исследования акцентируют иерархический характер социально конструируемых маскулинностей и анализируют то, как тендерные практики, идеологии и социальные структуры определяют друг друга, а также те символические и материальные отношения, в которых формируется представление индивида о маскулинности (Hearn and Collinson 1994; Connell 1995; Martin 2001; Messner 1992; Connell and Messerschmidt 2005; Whitehead 2002). Обозначенные выше проблемы наиболее ярко представлены в литературе.

Во-первых, профеминистские тендерные исследователи подчеркивают, что «маскулинность» представляет собой не совокупность определенных практик, представлений или характеристик, но скорее объединяет множественность практик, представлений и характеристик, которые не только усвоены индивидом, но также включены в повседневность и институционализированы посредством дискурсивных практик и материальных отношений (например, в организациях) и являются объектом обсуждения и переговоров между группами и индивидами. Поэтому предметом теории и эмпирического исследования является не маскулинность, а маскулинности (Carrigan, Connell and Lee 1985; Collinson and Hearn 1994; Connell 1987, 1995; Hearn 1998; Whitehead 2002).

Во-вторых, маскулинности конструируются и реконструируются в отношениях (Connell 1987, 1995; Messner 1992). Тендер как понятие подчеркивает, что тела обладают полом. Это означает, что, хотя тела и различаются и физические различия формируют разнообразные физиологические потребности, эти различия не определяют те реальные практики, в которые вовлечены люди. Более того, социальная принадлежность *трансформирует* тела (Connell 2002:50). Согласно Коннеллу (2002:10), маскулинности и фемининности являются совокупностью практик определяемой (но не полностью) «структуры социальных отношений, центром которой является репродуктивная сфера». «Репродуктивная сфера» здесь означает не репродукцию как «биологическую основу» социальных категорий «мужчина» и «женщина», но сферу социальных процессов. То, как люди действуют, индивидуально или в группе, или как часть какой-либо организации, имеет отношение к другим людям. Эти практики существуют как паттерны отношений, которые связывают и разъединяют индивидов, а также навязывают практики, в которые индивиды вовлечены. Коннелл (1995; 2002) подчеркивает четыре взаимосвязанных составляющих тендера как отношения: властные отношения, трудовые отношения, эмоциональные отноше-

ния и символические отношения. То, как мужчины связаны с женщинами и другими мужчинами, и как женщины связаны с мужчинами и другими женщинами, определяется каждым из этих четырех типов отношений.

Осмысление тендера как отношения также подчеркивает «различные материальные интересы, которыми обладают группы в неравном обществе» (Connell 2002:71). Например, мужчины показывают меньшую заинтересованность, чем женщины, в изменении политических и экономических структур, которые в целом приносят больше выгод мужчинам, чем женщинам. Женщины же объединяются и борются за эти изменения. Происходящие структурные изменения отражаются на каждой составляющей тендерных отношений, обозначенной выше (власть, производство, эмоции, символы). Так, когда женщины занимают рабочие места и позиции, ранее принадлежавшие мужчинам, их присутствие не только меняет положение на оплачиваемом рынке труда, но также сдвигает символические границы того, что конструируется как «мужское» и как «женское» (Lorber 1994; Martin 2004). Обозначение и узнавание определенных практик, представлений и характеристик как маскулинных приводит к отделению этих практик, представлений и характеристик от других, определяемых как не-маскулинные и/или не истинно маскулинные (Bordo 1993). Мужчины в большей степени, чем женщины поддерживают существование категории «женщина» как «другой», в противопоставлении с которой они самоопределяются, поскольку это разделение утверждает иллюзию гендерных различий и мужского превосходства. Подобным образом белые мужчины среднего и высшего класса заинтересованы в сохранении структурной и символической «друговости», которая способствует их коллективным преимуществам перед подавляемыми расами, этническими группами и мужчинами из низших социально-экономических классов.

Например, белые, принадлежащие к среднему и высшему классу мужчины в США исторически ограничивали доступ к механизмам достижения статуса, определяемым доминирующими нормами общества, таким как высшее образование и профессиональная карьера. В современной Америке белые мужчины среднего и высшего классов ограничивают доступ к ресурсам, прежде всего, поддерживая *существующее* образование, структуру и процессы профессиональных достижений. Члены подчиненных групп, мужчины не-белой расы, рабочие и представители низшего класса, продолжают сталкиваться с институциональными барьерами в сфере образования и в возможностях профессиональной карьеры (Ferguson 2001; Lewis 2004; MacLeod 1995; Majors and Billson 1992; Willis 1977). Например, Фергюсон (2001) и Левис (2004) показывают, как доступ и контроль родителей над экономическим, социальным, культурным и символическим капиталом в Америке, который различается в зависимости от расы и этнической принадлежности, ограничивает их возможность обеспечить лучшее образование своим детям и защитить их от расистских прак-

тик (одновременно очевидных и неуловимых) в системе образования. Белые, принадлежащие к среднему и высшему классу родители практически не заинтересованы в изменении структур, которые ограничивают доступ к ресурсам детям другой расы. И когда дети другой расы бросают вызов системе неравенства и добиваются доступа к механизмам, используемым доминирующей группой для достижения статуса, их достижения часто воспринимаются как подозрительные, незаконные или как некоторое исключение (Demetriou 2001).

Третья характеристика современных тендерных исследований мужчин и маскулинностей состоит в том, что наиболее важными для анализа видятся отношения доминирования и подчинения. Гегемонная маскулинность, общепринятая концептуальная рамка для выражения этих отношений, отсылает к «структуре тендерной практики, которая воплощает приемлемый способ легитимации патриархата и гарантирует (или используется как гарантирующая) доминирующее положение мужчин и подчиненное положение женщин» (Connell 1995:77). Гегемонная маскулинность состоит из практик, которые делают возможной и поддерживают гегемонию мужчин над женщинами в целом (внешнее измерение) и некоторых мужчин над другими мужчинами (внутреннее измерение) (Connell 1987, 1995; Demetriou 2001). Коннелл полагает, что в обществе существуют *модели*, которые репрезентируют *культурные идеалы* гегемонной маскулинности (т.е. практики, определяющие возможность и поддерживающие превосходство). Тем не менее, статус модели мало достижим и тот, кто подходит для этого статуса, сохраняет его на ограниченный период времени. Поскольку практики, составляющие гегемонную маскулинность, меняются в зависимости от времени и социального контекста, то, что требуется для получения статуса модели, также меняется. И поскольку индивидуальные тела, сознания, эмоциональные состояния меняются на протяжении жизни, ни один человек не может быть вовлеченным в практики, определяющие статус модели, на протяжении всей жизни. Хотя все мужчины (и те, кто признается мужчинами (Halberstam 1998)) являются субъектами, с которыми ассоциируются ожидания, связанные с гегемонной маскулинностью, не многие из них действительно соответствуют этим ожиданиям (Dellinger 2004; Messerschmidt 2000; Messner 1992; Roper 1994).

Например, мужчины, которые вовлечены в практики той группы, чей уровень власти в обществе ниже большинства других групп (рабочий класс относительно среднего и высшего классов), не воспринимают себя и не воспринимаются другими как модель гегемонной маскулинности для общества в целом (Chen 1999; Gerschick and Miller 1994; Henson and Rogers 2001). Финансовое обеспечение семьи, статус главного кормильца семьи, независимость и авторитет среди других на оплачиваемом рынке труда являются примерами практик, относимых к статусу модели в современной Америке и Западной Европе. Но не все мужчины способны или имеют возможность быть такими. Подобным

образом, не все мужчины имеют физические способности для реализации практик, демонстрирующих контроль над собой и другими: атлетизм и превосходную физическую форму.

Тем не менее, большинство мужчин поддерживают идею, что подобные практики отличают мужчин и ставят их выше женщин (реже других мужчин), а также легитимируют и предоставляют статус мужчинам, которые являются эталонами этих практик. Почему? Потому что мужчины получают «патриархальные дивиденды», поступая таким образом (Connell 1987; 1995; см. также Chen 1999). Коннелл определяет *патриархальные дивиденды* как выгоду, получаемую мужчинами от институционализации власти, статусного и материального неравенств между мужчинами и женщинами в обществе. Мужчины разделяют интерес к сохранению социально конструируемых тендерных различий, потому что это помогает утвердить экономическую и политическую власть мужчин и их более высокий статус относительно женщин в целом. Хотя отношения власти и подчинения по признаку класса, расы, этнической и религиозной принадлежности, сексуальной ориентации, тендера, дееспособности дают некоторым мужчинам больший доступ к коллективным преимуществам, исходящим от власти мужчин и их статуса в отношении женщин, мужчины, имеющие маргинальное или подчиненное положение, редко поддерживают полную деконструкцию тендерного порядка, поскольку даже они выигрывают от своего статуса «мужчины», пока мужское и маскулинность конструируются как отличные и превосходящие женское и фемининность (Whitehead 2002). Более того, мужчины, обладающие большим статусом, создают мнимое впечатление, что они, по крайней мере, в некоторой степени идентифицируются с подчиненными группами мужчин как с частью более широкого сообщества, превосходящего женщин. Согласно Джекмену (1994), механизм, обеспечивающий стабильность властно-подчиненных отношений между группами, сложен. Наиболее эффективное применение власти доминирующей группой состоит в том, чтобы не привлекать грубую силу, явное принуждение и таким образом не вызывать сопротивления.

Менее представленным в современной теории и исследованиях является анализ индивидуального и коллективного сопротивления гегемонным императивам маскулинности (Gerschick 1998; Majors and Billson 1992). Например, Гершик (1998) утверждает, что, пока некоторые мужчины с физической недееспособностью разделяют идеалы маскулинности, реализовать которые могут только здоровые мужчины, другие отрицают общепринятые значения гегемонной маскулинности и создают свои собственные. Здесь очень важно прояснить, как конкретные практики согласуются с гегемонной маскулинностью. Существуют практики и соответствующие им значения маскулинности, которые мужчины (и женщины) в определенном историческом и структурном контексте превозносят над остальными. Эти «эталонные» практики обладают социаль-



ной значимостью. Некоторые мужчины (и те, кто признаются мужчинами) воплощают отдельные или даже большинство этих эталонных практик. В то же время, возможность для кого-либо реализовывать эти практики частично зависит от наличия ресурсов (например, физического, культурного, социального и человеческого капитала), частично требует разрешения и частично связана с ожиданиями от реализации этих практик. В целом, практики и соответствующие характеристики, определяемые как эталонные, могут быть в большей или меньшей степени приняты и воплощены различными мужчинами. И даже если мужчина воспримет некоторые, большинство или все значения гегемонной маскулинности, тем не менее, он может оставаться соучастником этих значений.

Проблема сопротивления гегемонным императивам маскулинности привлекает внимание к другой важной теме профеминистских исследований маскулинности: субъективность и идентичность. Согласно Коллинсону и Херну, профеминистские теоретики в области мужских исследований отрицают идею «унитарного и рационального субъекта, обнаруживаемого в большинстве социальных наук», в пользу «субъективности как воплощения доминирующих властных отношений, дискурсов и практик и как определенного исторического продукта, который неоднозначен, фрагментарен, прерывист, множествен и иногда фундаментально нерационален и зачастую противоречив» (1994:7-8; см. также Kerfoot and Knights 1993; 1998; Gutterman 2001).

Тем не менее, не все из этих теоретиков согласны с пониманием процессов, которые продуцируют фрагментарную, прерывистую и противоречивую субъективность, и даже с полезностью концепта идентичности (Connell and Messerschmidt 2005; Connell 2002; Gutterman 2001; Whitehead 2002). Некоторые утверждают, что в постмодернизме и постструктурализме акцентируется гендерная идентичность как функция дискурса, слишком много внимания уделяется символическому измерению тендера и его отношениям с властью и недостаточно рассматриваются ограничения дискурсивной гибкости (чьей-либо способности следовать или сопротивляться доминирующим дискурсам), которую предоставляют тело и институциональная история (Connell and Messerschmidt 2005:842). Выступая против понятия дискурсивной гибкости, Коннелл (2002) предлагает понятие гендера как «личного проекта», которое акцентирует «деятельность обучаемого и устойчивость тендерных структур» (2002:82). С другой стороны, Уайтхед отрицает концепцию Коннелла, которая рассматривает тендер как «личный» проект в рамках более широкого тендерного порядка, характеризующегося гегемонной маскулинностью, как полностью детерминистскую. В свою очередь, Уайтхед (2002) предлагает концепт субъективности, который подчеркивает конструирование маскулинной идентичности посредством дискурса и соответствующих дискурсивных практик, легитимирующих мужское доминирование над женщинами и доминирование некоторых мужчин над другими мужчинами. В целом, несмотря на то, что ис-

следователи не согласны в деталях, они разделяют представление о том, что маскулинная субъективность не унифицирована или стабильна, а постоянно создается и проговаривается (например, Collinson and Hearn 1994; 2005).

Профеминистские исследования маскулинности анализируют темы, представленные выше в различных контекстах, включая работу в организациях (например, Bird 2003, 2006; Britton 2000, 2003; Kerfoot and Knights 1993, 1998; Dellinger 2004; Martin 1996, 2001; Pierce 1995; Wharton and Bird 1996; Williams 1995), семью (например, Marsiglio and Pleck 2005; Adams and Coltrane 2005), спорт (например, Messner 1992; 2004), преступления и насилие (Messerschmidt 2000), СМИ (McKay, Mikosza and Hutchins 2005), образование (Ferguson 2001; Lewis 2004; McGuffey and Rich 1999; Swain 2005), досуг (Bird 1996; Bird and Sokolofski 2005; Campbell 2000). В последнее время тендерные теоретики в области мужских исследований фокусируют свое внимание на проблемах нации и сравнительных кросскультурных исследований. Исследователи стараются пролить свет на процесс макроконструирования маскулинности и отношения между национализмом, империализмом и глобализацией.

## Маскулинность, национализм и глобализация

Феминистски ориентированные тендерные исследователи анализируют связи между социальными конструктами маскулинности и национализмом уже более двух десятилетий (например, Baca Zinn 1982; Enloe 1990). Согласно Эн-лоуи (1990:44), «национализм типично проистекает из маскулинизированной памяти, унижения и надежды. Злость оказаться "немаскулинными" или сведенными к "нации прислуживающих мальчиков" является естественным топливом для воспламенения национального движения».

Национализм - это разделяемые сообществом представления, основанные на общей истории и ожидании общего будущего (Enloe 1989:45). Национализм определяет как идеологию, так и действие. Национализм подчеркивает «наше» в противопоставлении к «их». Идеология национализма состоит из представлений об общем образе жизни и правах на суверенность. Эти представления являются основой коллективных действий по национальному строительству, включая участие в вооруженных конфликтах (Nagel 2005). Продвижение националистических идей позволяет оправдать доминирование одного государства над другим в период колониализма и империализма (Hooper 1999; Mosse 1996; Nagel 1998). Кроме того, многие исследователи полагают, что на рубеже веков в Европе и Соединенных Штатах Америки период колониализма, империализма и национализма совпадал с так называемым кризисом маскулинности (Enloe 1990; Nagel 2005; Rutundo 1993). Появление и распространение в 19 веке тендерной идеологии, конструирующей маскулинность и фемин-

нинность как идентичности и роли, к которым мужчины и женщины предрасположены по своей природе, и (зачастую противоречивого) дискурса большей или меньшей мужественности, было инструментом колониального и империалистического завоевания и национализма (Banerjee 2005:4-5; Connell 2005; Enloe 1989:42-51; Nagel 1998,2005).

На протяжении всей истории можно обозначить три общие темы националистического движения, касающиеся женщин. Во-первых, национализм конструирует женщину как символ национальной чести. Во-вторых, националистическая риторика низводит женщин до роли поддержки (как правило, в приватной сфере) и не принимает феминистской цели достижения равенства. В-третьих, национализм как мужской дискурс рассматривает женщин как военные трофеи (Banerjee 2005; Bracewell 2000; Enloe 1990; Nagel 1996). В отношении мужчин национализм развивает представление и идеологию идеальной мужественности, которая репрезентирует их собственную национальную идентичность как сильных, смелых, независимых и зрелых в сравнении с другими мужчинами, которые слабы, пассивны и примитивны. Внутренние же оппоненты представляются трусливыми и женоподобными. Другими словами, мужчины-колонизаторы, империалисты и националисты последовательно оформляют «других» мужчин как не-настоящих мужчин (Banerjee 2005:1-19).

Позиционирование колонизаторов относительно колонизируемых, империалистов относительно тех, кто был завоеван, верноподданных и патриотов относительно «трусов», сограждан-мужчин относительно сограждан-женщин вовлекает властные процессы, которые не могут быть поняты до конца вне обдумывания того, как социальное конструирование пола, расы и этничности связано с оформлением националистических движений и глобализацией. Например, во время Европейской колонизации британский и французский националистический дискурс создавал образ африканских мужчин как диких и нецивилизованных, а восточных как женоподобных. Так же как во время холодной войны американский националистический дискурс конструировал мужчин, сомневающих в антикоммунистической позиции правительства, как женственных. А на заре и в середине 20-го в. националистический дискурс Соединенных Штатов определял категории расы и этнических различий как критерий истинной мужественности (соответствующий праву на гражданство) в пределах самой Америки. Например, белые мужчины рассматривали мужчин-африканцев и афро-американцев, азиатов и азиатов американского происхождения, мексиканцев и американских мексиканцев (так же, как кубинцев и других латиноамериканцев) как глупых, нецивилизованных, женоподобных, похотливых. Контроль белого мужчины над законодательными и юридическими органами способствовал созданию материальных и символических структур, делающих правдоподобным такое конструирование расы, этничности и тендера для большинства членов доминирующей и большого количества пред-

ставителей подчиненных социальных групп (Glenn 2002). В начале и середине 20-го в. в США мужчины, уже занимающие подчиненное положение по признаку расы, этничности, религиозной принадлежности или сексуальной ориентации, зачастую воспринимались и как неспособные выполнить военный долг в служении своей стране. Таким образом обеспечивалось их исключение не только из формального права на гражданство, но также из национально признаваемого пути «истинной» маскулинности (Bracewell 2000; Glenn 2002; Hooper 1999; Kimmel 2005).

Борцы с колониальным господством и внутренние подчиненные группы мужчин могли противостоять империяльному, колониальному и внутреннему подавлению, продвигая гипермаскулинные образы и практики, которые отражали их собственную героическую и исключительно мужскую борьбу (Basa Zinn 1982; Bracewell 2000; Connell 2005). Тем не менее, движение сопротивления и дисциплинирование мужчин различных рас, этносов, классов и национальностей получает мало внимания в литературе по проблемам маскулинностей и национализма в последние десятилетия (Hooper 1999). Подавляющая власть тендерной и маскулиной иерархий внутри нации и то, что Коннелл (1998; 2005) обозначил как форму гегемонной маскулинности на глобальном уровне, в большей степени представлено в литературе.

Связь между национализмом и конструированием гегемонной маскулинности остается сильной (например, Banerjee 2005; Bracewell 2000; Zherebkin 2006). Нации, стремящиеся конструировать или поддерживать национальное единство, преданность и силу, особенно военную силу, используют образы, властные отношения, разделение труда и эмоциональные отношения, ассоциируемые с возникающими глобальными моделями гегемонной маскулинности (Connell 1998; Hooper 1998). В то время как Коннелл (1998, 2005) утверждает, что появляющаяся глобальная гегемонная маскулинность фокусируется в транснациональных бизнес-практиках (и отмечает как возможного «соперника» военные практики маскулинности), Хупер (1998) полагает, что практики в области международной политики являются основой для глобальной гегемонной маскулинности. Это один из многих нерешенных вопросов, которые требуют дальнейшего изучения и предполагают сотрудничество между континентами и странами в исследовании маскулинностей (Critical Research on Men in Europe 2005; Gutmann and Vigoya 2005; Morrell and Swart 2005; Taga 2005).

## **Заключение**

В своем обзоре современных теорий о мужчинах и маскулинностях я попыталась очертить наиболее известные подходы и обобщить ключевые критические замечания и дебаты по этой проблеме в социальных науках. Одна из

тенденция последних двух десятилетий состоит в отходе от простого описания существующих маскулинностей и того, как мужские практики и структуры организуют социальную жизнь, к пониманию процессов, с помощью которых маскулинность конструируется, поддерживается и оспаривается. Другая тенденция состоит в том, что, с одной стороны, существует необходимость в кросс-культурной, сравнительной перспективе, а с другой стороны, происходит движение от сравнения к размышлению о том, как локальные и региональные маскулинности оформляются и оформляются *глобальными* маскулинностями. Последующие исследования должны обратиться не только к анализу этих проблем, но также должны подчеркивать движение к будущему гендерному равенству. Как отмечает Холтер (2005:31), «современные тендерные исследования предлагают карту, но они плохо ориентированы». Теории должны основываться на идее тендерного равенства и предлагать практические шаги по искоренению неравенства как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, должны быть направлены на сложное взаимодействие различных форм неравенства и подавления, а также должны вовлекать как мужчин, так и женщин в достижение желаемых изменений.

## Литература

- Adams, Michele and Scott Coltrane. 2005. «Boys and Men in Families: The Domestic Production of Gender, Power and Privilege.» Pp. 249-269 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Baca Zinn, Maxine. 1982. «Chicano Men and Masculinity.» *Journal of Ethnic Studies* 10(2): 31-44.
- Banerjee, Sikata. 2005. *Make me a Man!: Masculinity, Hinduism, and Nationalism in India*. Albany, NY: State University of New York Press.
- Bern, Sandra L. 1974. «The Measurement of Psychological Androgyny.» *Journal of Consulting and Clinical Psychology* 42:155-162.
- Bern, Sandra L. 1979. «Theory and Measurement of Androgyny: A Reply to the Pedhazur-Tetenbaum and Locksley-Colten Critiques.» *Journal of Personality and Social Psychology* 37:1047-1054.
- Bern, Sandra L. 1983. «Gender Schema Theory and Its Implications for Child Development: Raising Gender-aschematic Children in a Gender-schematic Society.» *Signs* 8:598-616.
- Bern, Sandra L. 1993. *The Lenses of Gender*. New Haven, CT: Yale University Press.

- Bird, Sharon R. forthcoming (2006). «Masculinities in Rural Small Business Ownership: Between Community and Capitalism.» Forthcoming in M. Bell and H. Campbell (eds.) *Country Boys: Masculinity and Rural Life*. University Park Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press.
- Bird, Sharon R. 2003. «Sex Composition, Masculinities and the Quality of Men's Workplace Social Relations.» *Gender, Work and Organization* 10 (5): 579-604.
- Bird, Sharon R. 1996. "Welcome to the Men's Club: Homosociality and the Maintenance of Hegemonic Masculinity." *Gender & Society* 10:120-132.
- Bordo, Susan. 1993. *Unbearable Weight: Feminism, Western Culture and the Body*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Boyd, Todd. 1997. *Ami Black Enough for You?: Popular Culture from the 'Hood and Beyond*. Bloomington, IN: University of Indiana Press.
- Bracewell, Wendy. 2000. «Rape in Kosovo: Masculinity and Serbian Nationalism.» *Nations and Nationalism* 6(4):563-590.
- Britton, Dana M. 2003. *At Work in the Iron Cage: The Prison as Gendered Organization*. New York: New York University Press.
- Britton, Dana M. 2000. «The Epistemology of The Gendered Organization.» *Gender & Society!* 4(3) :418-434.
- Burke, Peter J. and Alicia D. Cast. 1997. «Stability and Change in The Gender Identities of Newly Married Couples.» *Social Psychology Quarterly* 60(4):277-290.
- Burke, Peter J. and Judy C. Tully. 1977. «The Measurement of Role Identity.» *Social Force* 55(4):881-897.
- Bonilla-Silva, Eduardo. 2001. *White Supremacy and Racism in the Post Civil Rights Era*. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Campbell, Hugh. 2000. «Masculinity and Drinking in Rural New Zealand.» *Rural Sociology* 65:562-581.
- Carrigan, Tim, Robert W Connell, and John Lee. 1985. «Toward a New Sociology of Masculinity.» *Theory and Society* 14(5): 551-604.
- Cast, Alicia D. 2004. «Role-Taking in Interaction.» *Social Psychology Quarterly* 67:296-309.
- Cast, Alicia D. and Sharon R. Bird. 2005. «Participation in 'Non-Traditional' Spheres and the Perspective-Taking of Husbands and Wives.» *Social Psychology Quarterly* 68:143-159.
- Chauncey, G., Jr. 1985. *Christian Brotherhood or Sexual Perversion? Homosexual*

- Identities and the Construction of Sexual Boundaries in the World War 1 Era.» *Journal of Social History* 19:189-212.
- Chen, Anthony S. 1999. «Lives at the Center of the Periphery, Lives at the Periphery of the Center: Chinese American Masculinities and Bargaining with Hegemony.» *Gender & Society* 13(5): 584-607.
- Chodorow, Nancy. 1978. *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Collins, Patricia Hill. 1989. «The Social Construction of Black Feminist Thought.» *Signs* 14(4):745-773.
- Collinson, David L. 2003. «Identities and Insecurities: Selves at Work.» *Organization* 10(3):527-547.
- Collinson, David L. and Jeff Hearn. 2005. «Men and Masculinities in Work, Organizations, and Management. Pp. 289-310 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Collinson, David L. and Jeff Hearn. 1994. «Naming Men as Men: Implications for Work, Organization and Management.» *Gender, Work and Organization* 1(1):2-22.
- Connell, Robert W. 2005. «Globalization, Imperialism, and Masculinities.» Pp. 71-89 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Connell, Robert W 2002. *Gender*. Cambridge: Polity Press.
- Connell, Robert W 1998. «Masculinities and Globalization.» *Men and Masculinities*
- Connell, Robert W 1995. *Masculinities*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Connell, Robert W 1987. *Gender and Power*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Connell, Robert W 1985, «Theorizing Gender.» *Sociology* 19:262-264.
- Connell, Robert W 1979. «The Concept of "Role" And What To Do with It.» *Australian and New Zealand Journal of Sociology* 15:7-17.
- Connell, R W and James W Messerschmidt. 2005. «Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept.» *Gender & Society* 19(6):829-859.
- Connell, R.W., Jeff Hearn, and Michael S. Kimmel. 2005. «Introduction.» Pp. 1-12 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies*

- on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Constantinople, Anne. 1973. «Masculinity-Femininity: An Exception to a Famous Dictum?» *Psychological Bulletin* 80:389-407.
- Critical Research on Men in Europe. 2005. «Men, Masculinities, and "Europe".» Pp. 141-162 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Dellinger, Kirsten. 2004. «Masculinities in "Safe" and "Embattled" Organizations: Accounting for Pornographic and Feminist Magazines. *Gender & Society* 2004 18(5): 545-566.
- Demetriou, Demetrakis Z. 2001. «Cornell's Concept of Hegemonic Masculinity: A Critique.» *Theory and Society* 30:377-361.
- D'Emilio, J. and E. B. Freedman. 1988. *Intimate Matters: A History of Sexuality in the America*. New York: Harper and Row.
- De Stefano, Christine. 1991. *Configurations of Masculinity: A Feminist Perspective on Modern Political Theory*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Enloe, Cynthia. 1990. *Bananas, Beaches & Bases: Making Sense of International Politics*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Fausto-Sterling, Anne. 2000. *Sexing the Body: Gender Politics and the Construction of Sexuality*. New York: Basic Books.
- Ferguson, Ann Arnett. 2001. *Bad Boys: Public Schools in the Making of Black Masculinity*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press.
- Ferree, Myra Marx, and Elaine J. Hall. 1996. «Rethinking Stratification from a Feminist Perspective: Gender, Race, and Class in Mainstream Textbooks. *American Sociological Review* 61(6):929-950.
- Freud, Sigmund. 1905. «Three Essays on the Theory of Sexuality,» pp. 125-245 in Standard Edition of the Complete Psychological Works, volume 7. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis.
- Freud, Sigmund. 1923. «The Ego and the Id,» pp. 3-59 in Standard Edition of the Complete Psychological Works, volume 19. London: Hogarth Press and Institute of Psycho-Analysis.
- Gerschick, Thomas J. 1998. «Sisyphus in a Wheelchair: Men with Physical Disabilities Confront Gender Domination.» Pp. 189-211 in Jody O'Brien and Judith Howard (eds.) *Everyday Inequalities: Critical Inquiries*. Oxford, England: Blackwell.
- Gerschick, Thomas J. and Adam Stephen Miller. 1994. «Gender Identities at the



- Crossroads of Masculinity and Physical Disability.» *Masculinities* 2(1): 34-55.
- Gerson, Judith M. and Kathy Peiss. 1985. «Boundaries, Negotiation, Consciousness: Reconceptualizing Gender Relations.» *Social Problems* 32:317-31.
- Gerson, Kathleen. 1993. *No Man's Land: Men's Changing Commitments to Family and Work*. New York: Basic Books.
- Gilligan, Carol. 1982. *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Glenn, Evelyn Nakano. 2002. *Unequal Freedom: How Race and Gender Shaped American Citizenship and Labor*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Griswold, Robert L. 1993. *Fatherhood in America: A History*. New York: The Free Press.
- Gutterman, David S. 2001. «Postmodernism and the Interrogation of Masculinity.» Pp.56-71 in Stephen M. Whitehead and Frank J. Barrett (eds.), *The Masculinities Reader*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Gutmann, Matthew C. and Mara Viveros Vigoya. 2005. «Masculinities in Latin America.» Pp. 114-128 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Halberstam, Judith. 1998. *Female Masculinity*. Durham, NC: Duke University Press.
- Hearn, Jeff. 1994. «Changing Men and Changing Managements: Social Change, Social Research and Social Action.» Pp. 192-209 in *Women in Management: Current Research Issues*, edited by M. Davidson and R. Burke. London: Paul Chapman, LTD.
- Hearn, Jeff. 1998. «Theorizing Men and Men's Theorizing: Men's Discursive Practices in Theorizing Men.» *Theory and Society* 27(6): 781-816.
- Henson, Kevin D. and Jackie Krasas Rogers. 2001. «"Why Marcia You've Changed!": Male Clerical Temporary Workers Doing Masculinity in a Feminized Occupation.» *Gender & Society* 15(2): 218-238.
- Holter, IJystein Gullveg. 2005. «Social Theories for Researching Men and Masculinities: Direct Gender Hierarchy and Structural Inequality. Pp. 15-34 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Hooper, Charlotte. 1999. «Masculinities, IR and the "Gender Variable".» *Review of International Studies* 25: 475-491.
- Hooper, Charlotte. 1998. «Masculinist Practices and Gender Politics: The Operation

- of Multiple Masculinities in International Relations. Pp. 28-53 in M. Zalewski & J. Parpart (eds.), *The «Man» Question in International Relations*. Boulder, CO: Westview.
- Howard, Judith. 1988. Gender Differences in Sexual Attitudes: Conservatism or Powerlessness?» *Gender & Society* 1:103-114.
- Howard, Judith and Jocelyn Hollander. 1991. *Gendered Situations, Gendered Selves*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Jackman, Mary R. *The Velvet Glove: Paternalism and Conflict in Gender, Class, and Race Relations*. Berkeley: University of California.
- James, William. ([1890]1991). *The Principles of Psychology*. Volume 1. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Johnson, Miriam. 1988. *Strong Mothers, Weak Wives*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Kemper, Theodore D. 1990. *Social Structure and Testosterone: Explorations of the Socio-bio-social Chain*. New Brunswick, NY: Rutgers University Press.
- Kerfoot, Deborah, and David Knights. 1998. «Managing Masculinity in Contemporary Organizational Life.» *Organization* 5(1)7-26.
- Kerfoot, Deborah, and David Knights. 1993. «Management, Masculinity and Manipulation: From Paternalism to Corporate Strategy in Financial Services in Britain.» *Journal of Management Studies* 30(4): 659-667.
- Kessler, Suzanne J. and Wendy McKenna. 1978. *Gender: An Ethnomethodological Approach*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kimmel, Michael S. 2005. «Globalization and Its Mal(e)contents: The Gendered Moral and Political Economy of Terrorism.» Pp. 414-431 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Kimmel, Michael S. 1996. *Manhood in America*. New York: The Free Press.
- King, Deborah. 1988. «Multiple Jeopardy, Multiple Consciousness: The Context of Black Feminist Ideology.» *Signs* 13:42-72.
- Kohlberg, Lawrence A. 1966. «A Cognitive-Developmental Analysis of Children's Sex Role Concepts and Attitudes.» Pp. 82-172 in *The Development of Sex Differences*, edited by Elenor E. Maccoby. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Lewis, Amanda. 2004. *Race in the Schoolyard: Negotiating the Color Line in Classrooms and Communities*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

- Lopata, Helena Z. and Barrie Thorne. 1978. «On the Term "Sex Roles".» *Signs* 3(3):718-721.
- Lorber, Judith. 1996. *Paradoxes of Gender*. New Haven: Yale University Press.
- Maccoby, Eleanor E. and Carol Jacklin. 1974. *The Psychology of Sex Differences*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Machines, John. 2001. «The Crisis of Masculinity and the Politics of Identity.» Pp.311-329 in Stephen M. Whitehead and Frank J. Barrett, *The Masculinities Reader*. Cambridge, United Kingdom: Polity Press.
- MacLeod, Jay. 1995. *Ain't No Makin' It: Aspirations and Attainment in a Low-Income Neighborhood*. Boulder, CO: Westview Press.
- Majors, Richard and Janet Billson. 1992. *Cool Pose: The Dilemmas of Black Manhood in America*. New York, NY: Simon and Schuster.
- Marsiglio, William and Joseph H. Pleck. 2005. «Fatherhood and Masculinities.» Pp. 249-269 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Martin, Patricia Yancey. 2004. «Gender as Social Institution.» *Sbcz'a/Forces* 82(4): 1249-1273.
- Martin, Patricia Yancey. 2001. «"Mobilizing masculinities": women's experiences of men at work.» *Organization*. 8(4):584-618.
- Martin, Patricia Yancey. 1996. Men, masculinities and managements: gendering and evaluating dynamics. In D.L. Collinson and J. Hearn (eds.) *Men as Managers, Managers as Men: Critical Perspectives on Masculinity*, 186-209. London: Sage.
- McCall, George J. and J. L. Simmons. 1978. *Identities and Interactions: An Examination of Human Associations in Everyday Life*. New York: The Free Press.
- McGuffey C. Shawn and B. Lindsay Rich. 1999. «Playing in the Gender Transgression Zone: Race, Class, and Hegemonic Masculinity in Middle Childhood.» *Gender & Society* 13(5): 608-627.
- McKay, Jim, Janine Mikosza and Brett Hutchins. 2005. «"Gentlemen, the Lunchbox has Landed": Representations of Men's Bodies in Popular Media.» in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Mead, George Herbert. 1934. *Mind, Self, and Society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Messerschmidt, James. 2000. *Nine Lives: Adolescent Masculinities, The Body and*

- Violence*. Boulder, CO: Westview Press.
- Messner, Michael A. 1992. *Power at Play: Sports and the Problem of Masculinity*. Boston: Beacon Press.
- Messner, Michael A. 2000. «Barbie Girls Versus Sea Monsters: Children Constructing Gender.» *Gender & Society* 14(6):765-784.
- Morrell, Robert and Sandra Swart. 2005. «Men in the Third World: Postcolonial Perspectives on Masculinity.» Pp. 90-113 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Mosse, George L. 1996. *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity*. New York: Oxford University Press.
- Nagel, Joane. 2005. «Nation.» Pp. 397-413 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Nagel, Joane. 1998. «Masculinity and Nationalism: Gender and Sexuality in the Making of Nations.» *Ethnic and Racial Studies* 21(2): 242-269.
- Nielsen, Francois. 1994. «Sociobiology and *Sociology*.» *Annual Review of Sociology* 20:267-303.
- Nonn, Timothy. 2003. «Hitting Bottom: Homelessness, Poverty and Masculinity,» Pp. 258-267 in Michael Kimmel and Michael Messner (eds.), *Men's Lives, 6<sup>th</sup> edition*. Boston, MA: Allyn and Bacon.
- Parsons, Talcott. 1964. *Essays in Sociological Theory*. New York: The Free Press.
- Parsons, Talcott. [1964] 1970. *Social Structure and Personality*. New York: The Free Press.
- Parsons, Talcott and Robert F. Bales. 1953. *Family, Socialization and Interaction Process*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Pierce, Jennifer L. 1995. *Gender Trials*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Pleck, Joseph H. 1984. *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology Press.
- Ridgeway, Cecilia L. and Lynn Smith Lovin. 1999. «The Gender System and Interaction.» *Annual Review of Sociology* 25:191-216.
- Roper, Michael. 1994. *Masculinity and the British Organization Man since 1945*. Oxford: Oxford University Press.
- Rotundo, E. Anthony. 1993. *American Manhood*. New York: Basic Books.

- Schur, Edwin M. 1984. *Labeling Women Deviant: Gender, Stigma and Social Control*. New York: Random House.
- Smiler, Andrew P. 2004. «Thirty Years After the Discovery of Gender: Psychological Concepts and Measures of Masculinity.» *Sex Roles* 50(1/2):15-26.
- Stets, Jan E. and Peter J. Burke. 1996. «Gender, Control and Interaction.» *Social Psychology Quarterly* 59:193-220.
- Stryker, Sheldon and Peter J. Burke. 2000. «The Past, Present, and Future of an Identity Theory.» *Social Psychology Quarterly* 63(4):284-297.
- Swain, Jon. 2005. «Masculinities in Education.» Pp. 213-229 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Taga, Futoshi. 2005. «East Asian Masculinities.» Pp. 129-140 in Michael S. Kimmel, Jeff Hearn, and R.W. Connell (eds.), *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Terman, Lewis M. and C. C Miles. 1936. *Sex and Personality: Studies in Masculinity and Femininity*. New York: McGraw-Hill.
- Thorne, Barrie. 1993. *Gender Play*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Wharton, Amy S. and Sharon R. Bird. «Stand by Your Man: Homosociality, Work Groups and Men's Perceptions of Difference.» Pp. 97-114 in Cliff Cheng (ed.) *Masculinities in Organizations*. Thousand Oaks, California: Sage Publications.
- Whitehead, Stephen M. 2002. *Men and Masculinities: Key Themes and New Directions*. Cambridge, UK: Polity Press.
- West, Candice and Don Zimmerman. 1987. «Doing Gender»
- Williams, Christine L. 1995. *Still a Man's World: Men Who Do Women's Work*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Williams, Christine L. 1989. *Gender Differences at Work: Women and Men in Nontraditional Occupations*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Willis, Paul. 1911. *Learning to Labour*. London: Saxon House.
- Wilson, Edward O. 1978. *On Human Nature*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Zherebkin, Sergei. 2006. «"Male Fantasies" in Ukraine: "Fucking Women and Building nation"», in Edith Saurer, Margareth Lanzinger and Elizabeth Frysak, eds., *Women's Movements. Networks and Debates in Post-communist Countries in the 19<sup>th</sup> and 20<sup>th</sup> Centuries* (L'Homme Schriftenvol.13) (Koeln, Weimar, Wien: Boehlau, 2006), p. 259-279.